

Кубанский писатель

Н.А. Некрасов

№ 7(62)

ИЮЛЬ
2012 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

Говорит и показывает «МИКРОЛИТ»

30 июня в литгостинной «Новая книга» Центральной городской библиотеки им. Н.А. Некрасова состоялась презентация четвертого номера литературного альманаха «Микролит», единственного на Юге России издания, публикующего литературу малых форм. Необычность мероприятия была еще в том, что события презентации напрямую транслировались через страницу, открытую в соцсети Фэйсбук (<http://www.facebook.com/microlit>).

Вела встречу с хайдинами главный библиотечкарь отдела организации культурно-досуговой деятельности «Некрасовки» Наталья Лободырева. Ею же был организован показ слайдов, посвященных авторам сборника. На экране диапроектора то и дело появлялись красочные заставки в японском стиле, сопровождаемые специально подобранными цитатами из творчества кубанских любителей хайку.

Кстати сказать, этот номер журнала проиллюстрирован чудесными работами художника Сергея Матушкина.

— Наш альманах объединяет приверженцев поэтического направления хайку, — обратился к собравшимся редактор издания, руководитель творческого объединения «Ладомир» (г. Гулькевичи) Иван Кротов. — «Микролит» — это не только «микролитература», это и минерал, и кристалл, а в археологии — это маленький, но очень качественно обработанный человеком камень, который может быть украшением, наконечником копья или стрелы... «Старые стихи / Сколько лишних слов / в трех строчках».

А заместитель редактора альманаха «Микролит», вдохновитель Школы кубанского минимализма, редактор литературного журнала «Аса», кандидат исторических наук Игорь Васильев (ст. Северская) добавил, что за «микролитературой» в «ускоренном», быстроменяющемся современном мире фастфуда и «быстрых» интернет-новостей, большое будущее.

— Писатель должен знать, чего он хочет, и выражать мысль максимально четко, — сказал он и также прочел свое хайку: «Не зябнут на рассвете / отрубленные головы. / Туман».

Альманах «Микролит» возник в рамках творческого объединения «Ладомир» в г. Гулькевичи и первый его выпуск вышел в 2009 году. С тех пор увидели свет еще три выпуска. Авторами идеи сборника были поэт и художник Иван Кротов и писатель Игорь Васильев. Кредо составителей альманаха — краткость и емкость высказывания.

Среди участников встречи был призёр IV Международного конкурса хайку на русском языке, проходившего недавно в Москве, Николай Гранкин (г. Краснодар). Он также представил сообществу инсталляцию «Механические нэцкэ» — различные приборы и запчасти к старинным вещам, любовно им собранные. А это одно из его хайку: «Смотрим с жабой / друг на друга / ну не красавцы».

Член Союза писателей России, руково-

дитель секции писателей-фантастов Иван Карасев прочитал стихи белорусского поэта Максима Богдановича в авторском переводе, которые тоже можно считать микроформой: «Если в раковину черного моллюска, / Попадет песчинка хоть одна, — / В жемчуг понемногу превратится та! / Чем же завершится жизнь моя, когда / В сердце черствое, что в суете обрюзгло, / Упадет слезинка хоть одна!».

А это хайку литературного представителя международного проекта «Интеллигент» Андрея Насонова заработало одобрение зала, получив, как говорится «бурные и продолжительные аплодисменты»: «Два влюбленных кеда / на проводах / связаны на всю жизнь шнурками».

Стихи прозвучали в исполнении таких авторов, как Татьяна Мамаенко (мама поэтессы Анны Мамаенко), Александр Мартусенко, Любовь Пахомова (ее выступление признано слушателями самым артистичным), Марина Сливина и Наталья Поколода. Поэты прочитали хайку (трехстишия), микроверлибры, микропрозу и стихи в традиционных формах.

— По итогам презентации альманаха «Микролит» мы провели блиц-опрос, — делится впечатлениями главный библиотечкарь Наталья Лободырева. — Так вот, этот своеобразный мониторинг мнений выявил желание присутствующих создать Клуб любителей хайку при ЦГБ им. Н.А. Некрасова, где авторы могли бы общаться, обсуждать творческие планы и привлекать новых поклонников к столь интересному жанру.

Как нам стало известно, редактор «Микролита» Иван Кротов уже разрабатывает планы по проведению работы такого клуба.

Собинформ

ДЕНЬ ПАМЯТИ

13 июля, в день 90-летия со дня рождения Заслуженного работника культуры Кубани, лауреата краевой премии им. Росинского, члена Союза писателей России Валентины Сааковой в РДК Центрального района г. Сочи состоялся вечер памяти этого прекрасного кубанского поэта. Саакова — женщина

интересной судьбы, прошагавшая по жизни руку с летчиком-мужем и воспитавшая летчика-сына, она с гордостью писала о нелегкой и счастливой жизни боевых подруг, деливших с мужьями радости и невзгоды, помогавшим им выполнять свой воинский долг перед Родиной.

На торжественном вечере присутствовали сочинские литераторы, журналисты,

музейные работники, ветераны прессы и телевидения, представители городской администрации.

Финальным аккордом торжества стало стихотворение большого друга поэтессы Валерия Клебанова «Евангелие от Сааковой» в проникновенном исполнении её дочери Натэллы.

Дмитрий Альбинин.
(Продолжение на стр. 7)

КНИЖНЫЙ МИР

Николай Зиновьев. Стихотворения. — Москва: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2012. — 224 с.

В новую книгу известного русского поэта Николая Зиновьева помимо поэтических произведений, уже знакомых самому широкому читателю, вошли также стихотворения, написанные в последние годы.

Николай ЗИНОВЬЕВ,

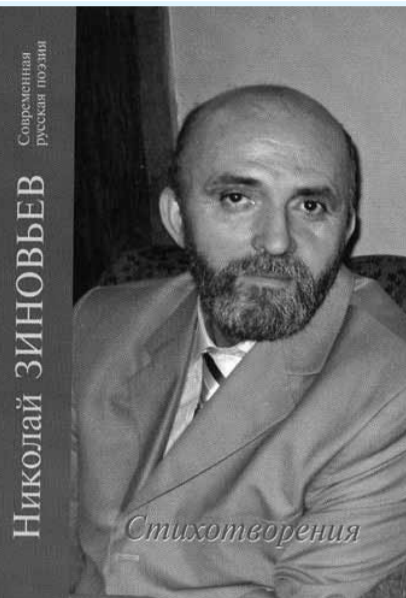
Что хотите услышать, друзья?
Если правду, то правду — нельзя.
Её лик в наше время так жуток,
Что за ваш опасуюсь рассудок.
Не готовы к такому условию?
Не такого вы ждали поэта?
Но, поверьте, лишь только любовью
Продиктовано свыше мне это.
Но, а если вы всё же решите,
Что пришёл я не с теми словами.
Я уйду. Вы лишь только скажите.
А любовь пусть останется с вами.

Россия воскреснуть должна! —
Мы чуть не в литавры забили,
А мысль, что безмерно важна,
Забыли.
Голова готова треснуть,
Коль её в виду иметь:
Для того, чтобы воскреснуть,
Прежде надо умереть.

ТРАКТОРИСТ
(Ретроспектива)
Режет плугом предков прах —
Хоть бы раз перекрестился,
Но он с Богом распростился
На семи крутых ветрах.
Ревёт мотор, нутужась.
И, летя на всех парах,
Тот, кому не ведом страх,
Испытает скоро ужас.
А пока он на работе
С красным флагом на капоте
И с безверием в груди.
Не зарплата, а расплата,
Божья кара — впереди.
Дочь подается в проститутки,
Сын — в бандиты, ей вдогон.
Повредится мать в рассудке.
Будет пить из суток в сутки
Он вонючий самогон.

Пришла мне мысль в лучах рассвета,
Хочу ей поделиться с вами.
Не за горами конец света,
Но вера двигает горами.
Мысль на лету душа схватила.
Ты разве этому не рад?
Мы в состояньи с тобой, брат,
Отсрочить верой гибель мира!

Но вот и дожил... до утра —
Разве не чудо?
Хотя и был мне зов туда,
И шёл оттуда.
Не знаю, ангел звал иль бес,
Но я отравлен
Тоской — нездешний интерес
Ко мне проявлен.
И хоть душа моя скорбит,
Но гнев в ней вымер.
Весь мусор тягот и обид
Как кто-то вымел.
Пиши об этом, не пиши —

Современная
русская поэзия
Николай ЗИНОВЬЕВ
Стихотворения

Я загнан в угол
И чистой своей души
Весьма напуган.

Когда я друга хоронил,
На гроб слезинку уронил.
Минуту помню эту —
Звук содрогнул планету.
Иначе от чего земля
Вдруг под ногами поплыла?
Тут не простое совпадение,
Хотел Создатель показать,
Как дорого ему творенье
Его, — кого б из нас не взять.

Не переделывай эпоху,
Оставь работу эту Богу.
Но человек своим умишком
Самонадеян. Даже слишком.
Решил он новый мир творить,
Не принимая Божью милость.
А что в итоге получилось —
Об этом страшно говорить.

Ищу любовь не в небесах,
Ищу у ближнего в глазах.
И хоть пока не нахожу,
Я всё же взгляд не отвожу.
Я верю: взгляд мой всё же встретит
Ответный свет любви живой.
О, как душа тогда отметит
Событие это, Боже мой!

ОЗАРЕНИЕ

Поэт я или не поэт?
О чём я думаю, однако,
Когда на весь на белый свет
Уже ложатся тени мрака?
Но замер я остолбенело —
Сверкнула молния ума:
А вдруг Любовь, Надежда, Вера
И есть Поэзия сама?
И в ней, в Поэзии, спасенье,
И царства Божия залог.
Конечно, это озаренье.
Сам догадаться я не мог.

У нас украли наше время.
Я знаю даже это племя,
Да кто его из нас не знает,
Но это дела не меняет.

Украли наше время. Баста.
Взамен — шампунь, зубная паста
В насмешку дадены всем нам.
И поделом. И по делам.
Ликуй, неназванное племя.
Хвались собой, беснуйся впрок,
Но знай, вернётся наше время
На зов написанных мной строк.

СЛАВЯНСКИЙ МИР

НЕ УВОЗИ, МОСКАЛЬ, САЛО! САМИМ МАЛО...

/Путевые заметки/

Мои этнические корни русско-украинские, т.е. славяно-христианской вере, культуре, языку, условиям бытования и т.д. как корням русским, так и украинским.

Мать моя всю жизнь прожила на Украине, там, на городском запорожском кладбище, и похоронена. Почти каждый год я еду в Запорожье, чтобы почтить её светлую память. А отец - потомственный казак покоится на моей малой родине - Кубани, основанной, как известно, запорожскими казаками ещё во времена императрицы Екатерины Великой. Поэтому во мне всё кипит, бурлит и неистовствует от возмущения, когда слышу из уст досужих теоретиков-«знатоков» национального вопроса вредные, пагубные речи о якобы «принципиальных различиях» русских и украинцев...

Мы - одна этно-генетическая и духовно-нравственная, неотделимая друг от друга плоть единой славянской семьи, с единым историческим прошлым и общим национальным корнем. Убеждён, рано или поздно русским и украинским народам-братьям снова суждено будет тесно объединиться и счастливо жить в родном Отечестве.

...А пока я предавался столь важным историко-философским размышлениям, мой поезд остановился на каком-то глухом полустанке. Воцарилась мёртвая тишина. Через минуту зло лязгнули двери тамбура. В притихший, будто испуганный, вагон по-хозяйски вошли крепко сбитые украинские парни в униформе. Громко затопали каблуки кованных армейских ботинок. Бесцеремонно заглядывая во все углы и щели, ощупывая сильными мясистыми руками чемоданы и сумки, привычные к своему делу таможенники пытливо вглядываются мне в глаза: зачем, мол, москаль, вздумал ехать из «своей» России в «нашу» ридну нэньку-Украину? Сало наше исты?! У нас и без тебя его нынче мало... Ага, гутаришь, могилку своей матери проведать. А зачем счорнил её на Украине? Что, в твоей Рассей земли мало?..

Долго, нервно, вместо того, чтобы сладко почитать и видеть сладкие сны, в глухую полночь приходится давать честные «признательные показания» украинским таможенникам: что еду я на свою вторую малую родину-Украину с самыми благими намерениями, что даже в голове не держу тайком провезти через пограничный кордон наркоту и взрывчатку - Боже, сохрани и помилуй от этого тяжкого греха!! И совершенно не намерен вмешиваться во внутренние дела независимой Украины, разве что везу в дорожной сумке несколько экземпляров моей новой книги, в которой описана трудная и героическая судьба русских и украинцев в тяжкую годину польско-шляхетской агрессии, объективно подтолкнувшей нас к объединению и историческому решению Переяславской Рады о навечном воссоединении Украины с Россией. Увы, праведные дела наших славных предков оказались слишком забывчивы...

После тщательного, придиричьего «шмона» и много-часового стояния на ночном полустанке заветное «добро» украинской таможни наконец получено. Нехотя дёрнувшись раз-другой, поезд стал набирать ход, весело застучали колёса. За окном вагона робко занималось раннее летнее утро, серый туман рассеялся, над горизонтом показался огромный малиновый шар восходящего солнца и стал величественно, грациозно подниматься. Через мгновение радостно полыхнули и брызнули во все стороны ярко-оранжевые лучи, окрасив в сказочно-романтический цвет безбрежную гладь украинских полей... На фоне вечной пробуждающейся природы наши житейские человечьи дела показались ничтожно-мелкими, суетными, пустыми.

Вагон тоже оживился, повеселел. Стряхнув с себя никчёмный страх, осмелевшие пассажиры оживились, никто уже досматривать прерванные сны не хотел. Стали неторопливо доставать нехитрую дорожную снедь, охотно угощать друг друга, перекидываться шутками-прибаутками.

Мой сосед-добродушный усатый «хохол» демонстративно ставит на столик заветную пол-литровку синеватого украинского «первака» и озорно приглашает «по чуть-чуть отравиться». А после первой-второй рюмки спутники вконец расслабились, повеселели в ожидании встреч с родным домом, расхрабрились и уже не стесняются помянуть крепким словом -жто по-русски, а кто на украинской мове - и осточертевшие русско-украинские таможенники, и тех бесновато-жестоких, ныне ушедших в мир иной властолюбцев, кто бездумно, под пьяную рюмку развалил некогда великий Советский Союз, в котором не было и в помине меж нами никаких границ. То есть, формально-то на бумаге границы между республиками, конечно, были, но многие граждане даже не знали и знать не желали, где они проходили...

...Положив букетик цветов на могилу матери и поставив заупокойную свечку в православном храме, я, как обычно направляюсь к своим давним украинским друзьям-журналистам, казачьим атаманам, членам Русской общины, которые горячо интересуются: а что там, в России? Каковы политические перспективы грядущих, исторически судьбоносных не только для России, но и украинского государства парламентских и президентских выборов? Украинские друзья хорошо понимают: от будущего России напрямую зависит и их собственная судьба, будущее потомков. Почему олигархи-москальи опять взвинтили цены на газ, нефть? Что сулит Украине вступление в Таможенный союз, куда так настойчиво её зовут российские власти... Вопросам нет числа. Но и моих встречных вопросов не меньше. Когда же наконец русский язык станет у вас вторым государственным языком? Почему ваши власти беспрестанно повышают цену за аренду Севастополя? Отчего турпутевки в Египет и Турцию вдвойне-втройне дешевле, чем на некогда легкодоступное простому человеку крымское черноморское побережье?..

Первая новость - суд над Юлией Тимошенко. О нём в украинской среде судачат много и противоречиво, будто иных, куда более жизненно важных проблем, и нет вовсе. Справедлива поговорка, что «кого Бог хочет наказать лишает разума». Совсем недавно имевший высокий рейтинг президент Украины Янукович его явно подрастерял, затеяв суд над Тимошенко и снова раздув газовую проблему. Конечно, любимица неуёмных украинских либералов и западных покровителей, Тимошенко России не закадычный друг, а скорее недруг, и потому горьких слёз по ней проливать не стоит. Что заслужила, то и получила. Но зачем ей обходиться с ней так глупо и грубо, и поднимать тем самым её политический рейтинг, лепить из неистовой властолюбивости, имеющей двойное гражданство, жалкое подобие национальной героини Франции Жанны д'Арк?.. Разве нет на Украине других, более важных проблем, чем эта сваря, которая уже в который раз демонстрирует государственную и управленческую бездарность местной элиты, коей не хватает даже простого благоразумия и элементарного прагматизма. А ведь пыжится строить самостийную и «цивилизованную» державу...

С русским газом вообще паранойя. Президент Янукович требует снизить договорную цену, так как она, мол, выше среднеевропейской. Верно, но из российской цены на газ 25% возвращается Украине за аренду Севастополя. Кроме того, Киев постоянно повышает тариф за транзит. Москва предлагает льготную цену в обмен на вступление в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана или продажу ей газотранспортной системы. На это украинцы не согласны, понимая, что таким образом зависимость от России заметно усилится, а без российского газа, как говорится, «ни туды и ни сюды». Вот-вот заработает «Северный поток» в обход Украины, и её трубопроводный шантаж сдохнет.

Одна надежда, что Европа милостиво поможет. «Украина, - заявляет премьер Азаров, - подпишет соглашение о

зоне свободной торговли с ЕС до конца 2011 года» в уверенности, что «создание зоны свободной торговли позволит украинским производителям на равных конкурировать с производителями на европейском рынке» (Новый регион. 2.9. 2011). Размечтался... Никакого равноправия украинцам европейцы не давали и не дадут и выгодную торговлю в ущерб себе не позволят. О вхождении в Европейский Союз и говорить не приходится - не нужен Европе новый нахлебник и ненадёжный партнёр. Дай Господь, ей самой с «бодливой» и неспокойной Грецией разобраться. Так что очнитесь, г-н Янукович...

Разумно рассуждают здравомыслящие украинские политики, общественные деятели, журналисты, финансисты. Согласно экспертам, вступив в зону свободной торговли, Украина потеряет минимум 5-6 млрд. долларов, тогда как членство в Таможенном союзе ей принесёт такую же сумму. «Мы хорошо понимаем эту выгодную разницу, - говорит мой собеседник, известный журналист-газетчик Антон Яворский, - но установка -«только в Европу» - накладывает вето на разумное решение».

Украинские политики антироссийской закваски, напротив, заморожены этой обманчивой установкой, ибо наивно считают, что только дистанцирование от России придаст Украине желаемую самодостаточность. Подобную одержимость активно поощряет Запад, для которого крайне нежелательно сближение Украины с Россией.

Впрочем, сам Янукович - вопреки предвыборным обещаниям - постоянно противится такому сближению. «Русский язык он государственным так и не сделал, - возмущаются члены запорожской Русской общины, - русские школы закрывают, русские кадры дискриминируют сидящие в руководящих креслах националисты. И этот абсурд, представьте себе, культивируют не только в западных, но и в восточных областях Украины, где миллионы русских, а 75 - 80% населения, в том числе этнические украинцы, говорят или предпочитают говорить и писать только по-русски.

Доходит до смешного: русские кинофильмы можно показывать только дублированными на «мове»! Проводимая политика привела к тому, что не только русский, но и украинский электорат Януковича тает на глазах и его политическое будущее весьма непредсказуемо. Кремль тоже недоволен лицемерием и двуличием Киева. К сожалению, русские на Украине пока не в состоянии выдвинуть своего энергичного русского лидера для защиты своих интересов.

Хочется ещё раз повторить, подчеркнули мои украинские собеседники: наилучшим для России решением было бы отделение - путём референдума -от Украины областей с преобладающим русским населением, т.е. Новороссии, Волыни, Крыма, Донбасса и левобережного края. «Киев тоже должен вернуться в состав России. Если этого не произойдёт, то лет через 20 -30 нынешняя Украина сделается вместе с Польшей непримиримым нашим супротивником на западной границе. И тогда окончательно рухнет уже шаткий славянофильский миф о «славянском братстве», - пишет В.В. Бутаков (Правый взгляд, 2011, № 17, с. 8).

Годы, прошедшие после разорительного раздела СССР, с очевидностью ещё раз доказали недееспособность украинской элиты и эфемерность украинской «незалежности». Страна чем-то напоминает Бельгию, которая тоже в начале XIX века отделилась от Голландии, но сегодня вот-вот поделится на фламандскую и валлонскую части, которые затем - на правах автономий - неизбежно воссоединятся с Нидерландами и Францией. Ещё нагляднее послевоенная история обеих частей Германии - через 45 лет они вновь стали единым государством.

Владимир ЮДИН
г. Тверь

ПАНОРАМА

ВСТРЕЧА ВЛАДИМИРА КРУПИНА С ЧИТАТЕЛЯМИ НОВОРОССИЙСКА

Весенним днем в новороссийском педагогическом колледже прошла встреча известного писателя Владимира Крупина с молодыми читателями. Представлял гостя на земле Черноморья любимый всем Югом России Виктор Лихонос. Но на встречу пришли все, кому дорога судьба Родины, кто верит в возрождение России. Зал колледжа заполнили не только молодые, здесь были и члены всех литературных объединений города, люди творческие, и казаки, и те, чей читательский стаж измеряется десятками лет.

Речь шла о России. О семье. О памяти. Да разве могла вспыхнуть иная тема в исполнении именно этих мастеров слова? Удивительной была реакция

слушателей, один из новороссийцев вышел на сцену и настоял на том, чтобы самому прочесть один из рассказов Крупина: «Пусть все слышат...» Южане не избалованы вниманием столиц, тем отраднее был разговор о том, что греет всякое русское сердце. Люди вслушивались в авторскую интонацию рассказов, прочитанных Владимиром Крупиним.

Нужны ли громкие слова? Далеко не всегда. Важно понимать, слышать друг друга. И радость. И боль. - Такова красная нить встречи.

Лариса ДОВГАЯ,
Новороссийск

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

**Горит гусарский ментик,
Распахнутый с плеча,
В багрово-жёлтом свете
Последнего луча.**

Помню, в школе нам говорили: «Мы победили в Великой Отечественной войне потому, что весь народ поднялся на защиту социалистической Родины». В 1812 году солдаты и крестьяне о социализме не слышали. И все-таки даже царь признал эту войну народной, именно с его повеления она была названа «Отечественной». Помещики покидали усадьбы, не желая подчиниться узурпатору, а крепостные шли в партизаны, беря в руки «дубину народной войны». Сейчас некоторые западные историки говорят, что партизанская война не была изобретением русского народа, что опыт партизанщины скопирован ими у испанцев. Испанские партизаны, действительно, причинили много хлопот французам, за что им честь и хвала. Но откуда русскому мужику знать об испанском опыте партизанской войны?

Ещё один миф заключается в том, что Наполеон обещал дать крепостным рабам волю. Тоже иноземная выдумка. Назовите хоть одного крестьянина, которого освободил Наполеон! Нет, не с помещиками воевал русский народ, а с жестоким и наглым завоевателем, оскорбившим Россию. После войны большинство партизан вернулись в помещичьи усадьбы, показав тем самым, что их целью был не бунт, а победа над врагом.

В ночь на 12 июня (по старому стилю) Наполеон форсировал Неман.

По четырем мостам, одному старому, у Ковно, и трем новым, только что возведенным, непрерывным потоком шла шестисоттысячная разноязычная рать. Немцы, итальянцы, голландцы, хорваты, швейцарцы, даже свободолюбивые испанцы, силой забранные на чуждую, непонятную им войну... В отличие от других походов великого полководца, французы на этот раз составляли меньшинство в армии, но это был цвет войска! Отважные, закаленные в боях, хорошо обученные, прекрасно экипированные солдаты готовы были умереть за своего императора по первому его слову.

Благосклонно улыбаясь, Наполеон стоял возле одного из мостов, где полк за полком, батарея за батареей, шла его гордость — непобедимая Старая гвардия.

— Vive l'Empereur! — приветствовали его герои Аустерлица и Фридланда, и он в ответ ласково махал им рукой.

Вместе с гвардией Наполеон перешел реку. Очутившись на берегу, он оторвался от свиты и, прищипив коня, помчался вперед по прибрежному песку. Бескрайнее угрюмое пространство окружало. Сердце вдруг сжалось в тоске, но это длилось лишь мгновение. Он сумел справиться с собой, круто повернул коня и поскакал обратно к своим войскам...

В отличие от Гитлера, Наполеон не рассчитывал на блиц-криг. Учитывая огромные размеры и потенциальную мощь «варварской страны», он планировал завершить кампанию минимум за три года. В 1812 году он думал овладеть западными губерниями от Риги до Луцка, в 1813 году — Москвой, и только в 1814 году — Санкт-Петербургом. Такая постепенность позволила бы ему расчленив Россию, обеспечив тылы и коммуникации своей армии, действующей на огромных пространствах.

К началу войны русские войска оказались разделенными: 100-тысячная армия Барклая де Толли, вышедшая из Вильно по направлению к Дрисскому лагерю, 45-тысячная армия Багратиона, отступающая к Несвижу и армия генерала Тормасова (46 000 человек), стоявшая на Волыни у Луцка. Такая странная расстановка сил была следствием «военного таланта» императора Александра I. Наполеону ничего не стоило разбить неприятельские войска по частям, но его планы были сорваны военной тактикой русских полководцев.

Первая армия Барклая де Толли стояла в Витебске до последней возможности, пока еще оставалась надежда, что Багратиону удастся прорваться через Могилев и соединиться с основными силами русских. На рассвете примчался раненый адъютант с

ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ

Исторические события имеют одно удивительное свойство. Чем дальше они уходят в глубь времен, тем более они романтизируются в восприятии потомков. Если Великая Отечественная война, словно незаживающая рана, ещё болит и кровоточит в сердцах ее живых свидетелей, то Отечественная война 1812 года многим представляется красивым зрелищем.

известием о том, что Могилев занят неприятелем, а Багратион, чудом ушедший от Даву, перешел Днепр и движется к Смоленску.

— Принять сражение в Витебске значит обречь армию на истребление, — сказал Барклай на военном совете.

Положение, действительно, становилось угрожающим. Французы расположились в тридцати верстах от Витебска, и весь день подходили новые дивизии. Наполеон

необходима. Она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину...»

— Vive l'Empereur! — привычно прокатилось по шеренгам войск.

В пять утра началась жестокий артиллерийский обстрел укреплений возле села Семеновского, которые впоследствии назовут «Багратионовыми флешами». Именно здесь Наполеон рассчитывал прорвать нашу обо-

жаждал сражения и постоянно посылал разведку, чтобы узнать, как дела у русских.

— Они у меня в руках! — говорил император, осматривая боевые позиции. — Завтра мы заставим их принять сражение. Послезавтра Александр будет умолять меня о мире!

Но перед самым рассветом от Мюрата прибыл гонец с оглушительным известием: Барклай ушел! Это казалось непостижимым. Не зажигая огней, стотысячная русская армия снялась с лагеря и покинула Витебск. Ушла под носом у неприятеля, бесшумно, как призрак...

Под Смоленском армии Барклая де Толли и Багратиона объединились. Город самоотверженно обороняли два дня, но генерального сражения снова не произошло. Барклай, привыкший поступать согласно рассудку, а не чувству, понимал, что неприятель рассчитывает получить под Смоленском то, чего не получил под Витебском, и дал приказ к отступлению.

В августе всеобщее раздражение Барклаем, «приведшим гостя к воротам Москвы», достигло предела. Не понимая глубины замыслов Барклая, общественное мнение требовало смены главнокомандующего. Не только армия, но весь народ поносил его почем зря: «Во всем виноват этот немец!» Барклай был шотландцем по происхождению, но это не имело значения. 8 августа главнокомандующим был назначен Кутузов. Восторженными криками «Ура!» встречали солдаты старого фельдмаршала в Цареве-Займище, спешно приводя в порядок мундиры и становясь в парадный строй. «Не нужно почестей! — сказал Кутузов. — Я приехал узнать, как чувствуют себя мои дети. Все ли здоровы, сыты?»

У деревни Бородино Кутузов остановил армию. Русские, наконец, повернулись к неприятелю лицом.

На рассвете 26 августа перед выстроеными в боевом порядке французскими войсками читалось воззвание Наполеона:

«Солдаты! Вот битва, которую вы так желали! Победа зависит от вас! Нам она

рону, а затем, смяв центр и правый фланг, опрокинуть русскую армию в Москва-реку.

С Шевардинских высот Наполеон наблюдал за битвой у Семеновского. Он расхаживал взад и вперед перед почтительно замершей свитой, небрежно отталкивая сапогом случайно залетавшие ему под ноги ядра. Его взгляд упал на маршала Даву.

— Почему до сих пор не взят левый фланг?

— Мы делаем все возможное, сир...

— Так сделайте невозможное! — отрезал император.

Маршал молча отдал честь и поскакал к Семеновскому.

— 57-ой гренадерский! — крикнул он. — В штыковую атаку, марш!

Еще не успев отдать этот приказ, он увидел, что Багратион опередил его. От русских укреплений отделился сомкнутый строй солдат-пехотинцев с ружьями наперевес. Казалось, весь левый фланг направил свои штыки на французских гренадер.

— Allons! (Вперед! — фр.) — крикнул Даву. — Не отстреливаться! Allons!

И гренадеры двинулись на флешу. Они шли, не обращая внимания на град пуль, косивший их сотнями. Ровными шеренгами, ряд за рядом шли они на смерть, словно на парад.

— Bravo! Bravo! — невольно воскликнул Багратион, отдавая должное мужеству врага.

И тут... осколок снаряда ударил его в ногу, раздробив берцовую кость. Он еще целую минуту держался в седле, стараясь скрыть рану от солдат, потом стал медленно падать с коня...

В считанные секунды русское войско пришло в замешательство. «Душа словно отлетела от всего левого фланга», — говорили впоследствии очевидцы. Французские гренадеры ворвались на флешу и штурмом овладели ими...

Теперь все орудия неприятеля повернулись к центру сражения — Курганной батарее под командованием генерала Раевского.

Оглушительные залпы орудий не утихали

ни на минуту. Пороховой дым застилал глаза. Непрерывный град разрывных снарядов буквально косил людей с той и с другой стороны. Ядра взрывали землю, устилая ее трупами и горами исковерканных орудий. Лошади, потерявшие наездников, табунами носились по полю.

Никто не думал о смерти. Генерал Милорадович под ядрами выбежал вперед, и, сев на траву, приказал адъютанту: «Принесите мне завтрак!». К вечеру, после ужасающей канонады, батарея Раевского была взята общим штурмом. Но у императора не было ощущения победы. На батарее его ждали только горы трупов и искореженный металл, а русская армия осталась на поле боя, готовая сражаться вновь. Наполеон первым прекратил огонь.

Кто же победил в самом кровопролитном сражении XIX века, которое мы называем «Бородинским», а все иностранные историки — «сражением под Москвой»? Французы твердо уверены, что именно они — победители. На это у них есть основания. Кутузов не стал отставивать Москву и сдал её без боя. Маршал Ней получил после Бородина титул «князя Московского». В 1816 году Наполеон писал: «Московская битва — моё самое великое сражение: это схватка гигантов. Русские имели под ружьём 170 тысяч человек, они имели за собой все преимущества: численное превосходство в пехоте, кавалерии, артиллерии, прекрасную позицию. Они были побеждены!». Через год, в 1817 году Наполеон значительно увеличивает численность противника: «С 80-тысячной армией я устремился на 250 000 русских, вооруженных до зубов, и разбил их». Современные историки называют другие цифры: 135 тыс. при 587 пушках со стороны французов и 120 тыс. при 640 пушках со стороны русских. Уже находясь в ссылке на острове Святой Елены Наполеон даст мудрую оценку сражению под Москвой, во многом примирившую потомков участников Бородинского сражения: «Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

К Наполеону у русских всегда было неоднозначное отношение. Во время войны народ называл его «антихристом». Придворное дворянство из патриотических соображений отказывалось говорить по-французски. Потом «императора французов» стали называть военным гением, отзывать о нем, если не с восхищением, то, по крайней мере, весьма сочувственно. Однако, ни Лев Толстой, ни Евгений Тарле, ни популярный писатель-историк Валентин Пикуль не считали его гениальным. Конечно, никто не спорит, что Наполеон — это не Гитлер... Но когда я читаю о том, что в подмосковном Трицке в рамках подготовки к предстоящему юбилею Отечественной войны 1812 года «энтузиасты» выступили с инициативой поставить памятник Наполеону, хочется напомнить циничные слова завоевателя перед нашествием на Россию:

«Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их во льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы. Балтийское море должно быть для них закрыто... Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них...»

Нет, видно, не зря существует известное ироническое выражение: «наполеоновские планы». И на вопрос о том, кто победил в Бородинском сражении, у нас, русских, свое мнение. Едва стихла канонада, наши солдаты поздравляли друг друга и говорили о победе, как о чем-то бесспорном. Ни один солдат не бежал с поля боя. Русская армия не отступила, не была сломлена и решительно собиралась завтра продолжить сражение. Но, посчитав потери, Кутузов отдал приказ оставить Москву. Сдачу древней русской столицы народ принял стойчески, без ропота, как Божий промысел, и в конечном итоге был вознагражден за страдания. «Господня воля» принесла России освобождение!

Исход великой битвы решился не только на поле военных действий, но и в умах и сердцах миллионов русских людей, осознавших себя нацией, для которой нет ничего выше достоинства и свободы.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Г.СААКОВОЙ

ИСТОКИ ЖИЗНИ

В наш трудный,
В наш жестокий век
Душой скудеет человек,
Кому нужны стихов слова?
Но я, быть может, не права,
И, может, скромный голос мой
Вдруг постучится к вам домой,
Поймет беду,
Полечит боль, Напомнит:
В мире есть любовь...
Кричат стихи на площадях,
Грохочут на семи ветрах,
А я - стихи заговорю,
Как жизнь, с друзьями поделю,
И вам тихонько говорю:
- Кого люблю, тому дарю!

ЛЮБОВЬ - НЕ ВЫДУМКА ПОЭТОВ...

О, говорить ли о любви,
Когда земля опять в крови,
Когда еще гремят бои
И гибнут близкие твои,
Когда не звезды до зари -
Вполнеба зарево горит?
Ты отвечаешь: говори,
Приказываешь: Говори!
О, говорить ли о любви,
Когда иссякли все слова,
Когда в печаль седой травы
Уже осыпалась листва,
И ветром дышат октябрь,
И все, что было. — раздарил?
Ты отвечаешь: говори.
Приказываешь: Говори!
Придет пора, и стихнет бой,
И осень сменится весной.
Но если вдруг уйдет любовь
Осиротеет мы с тобой.
Пускай теплеют октябрь,
Словами сердце озари,
И если боль,
И если бой -
Ты о любви мне говори.

* * *

Все, что положено, — то сбудется,
И прошлому забвенья нет:
Сильнее и нежнее любится
На рубеже ostatnich лет.
Душа о годы больно ранится,
И в старость верится с трудом,
А юность навсегда останется
Твоим сверкающим крылом.
И с неба дальнего, высокого,
Там, где седые облака,
Все будет виться память соколом
И нашу юность
Окликать!

* * *

Когда устало страсти замолчат,
Я к твоему теплу прикину снова,
Коснусь губами твоего плеча,
Коснусь щекой седин твоих суровых.
Твое плечо -
Как доброе крыло:
Оно меня от всех невзгод укрыло,
Оно давало мне приют и силу,
Когда мне в жизни было тяжело,
И я всю жизнь плачу тебе долги,
А ты, быть может, даже не заметил,
Что у тебя нет преданней слуги
И друга нет надежнее на свете.

* * *

Я о земле тебе сказать должна:
Она прекрасней неба в час рассвета,
Черемуха озязшая влажна,
В седых лугах босое бродит лето,
Дрожит звезда над сонною рекой,
И песне соловьиной утро внемлет,
И в теплой колыбели дочка дремлет.
Скажи, ты землю видишь ли такой?
Она,
Тебя со мной соединяя,
Напоминает ли тебе -
Меня?

* * *

Любимый мой -
Обычный человек,
С привычными житейскими страстями,

ПОЭЗИЯ СУДЬБЫ

Валентина Григорьевна Саакова родилась 13 июля 1922 года в городе Моздоке (северная Осетия) в семье артистов провинциального театра. Первые стихи напечатаны в 1935 году в городской газете, когда В.Саакова была еще ученицей.

Окончив среднюю школу, В.Саакова поступила в пединститут, затем перешла в Минераловодское педучилище, окончив которое, работала воспитательницей в детдоме, в сельском детском саду. Шла война, и стихи В.Сааковой печатались в военных газетах. Они стали основой первой книги «Жена солдата».

Выйдя замуж за вернувшегося с фронта школьного друга, В.Саакова разделила с ним нелегкую судьбу боевой подруги летчика, и жизнь военных гарнизонов отразилась в её стихах, печатавшихся в журнале «Советский воин», в военных газетах, книгах, изданных Военным издательством, в сборниках солдатской поэзии «Слава, доблесть, любовь».

Образование продолжила заочно в университете г.Ташкента: недалеко располагался военный городок, где служил муж. Стихи В.Сааковой стали печататься в газете «Южный Казахстан», там же публиковались ее корреспонденции, рассказы на тему уже гражданской жизни края, в котором прожила с 1953 года до 1966 года. В 1962 году была принята в Союз журналистов СССР. Член Союза писателей СССР—России с 1966 года.

В том же 1966 году семья переезжает в г.Сочи, где проходили ранние годы детства В.Сааковой. Кубанский край, освященный впечатлениями детских лет, входит в произведения поэтессы, она печатается в краевых газетах, в журнале «Кубань», в городской газете «Черноморская здравница».

Краевая писательская организация командирует В.Саакову на уборку хлеба в ст.Динскую, и с этого начинается её заинтересованное участие в жизни Динского района. Выходит книга очерков «Хлеб земли — хлеб души» в серии «Дни нашей жизни».

Много сил Валентина Григорьевна отдавала работе с молодыми и начинающими авторами. Она была не только руководителем литературных объединений «Аистенок», «Золотая осень», «Ромашки, опаленные войной», но и душой всего литературного актива Сочи, являлась редактором-составителем многих коллективных стихотворных сборников, вела большую общественную работу.

Ушла из жизни 9 октября 2006 года.

Валентина Саакова — автор книг, получивших признание читателей Кубани и России. Всё, что ею написано, проникнуто глубокой любовью к людям, жизни, своему дому. Каждая ее строка — это откровение, умение увидеть в знакомом нечто новое.

Он словно путями земными стянут —
Он день-деньской своей заботой занят,
И где-то рядом существую я,
И жертвенно сквозь будничную замять,
Как горный свет, горит любовь моя.
И отблеск высоты в том горнем свете
Он, может быть, когда-нибудь заметит

НЕЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ МОЕ

Памяти Вагро

В эту ночь
У черты предельной,
Провожая в дорогу дальнюю,
Я пою тебе колыбельную —
Я пою тебе песню прощальную.
Пусть тебе высоко летается —
Это вечности крылья качаются
И уносят тебя в невозвратное,
А любовь наша не кончается:
Она - Солнце моё незакатное!

УЛИЦЫ ВОСПОМИНИЙ

Есть место в малой родине моей,
Где домик за калиткою дощатой,
Откуда счёт моих ведётся дней,
Где сердцу все и дорого, и свято.
О, город мой,
Сквозь быта суету
И в облике людей, спешащих мимо,
Твоей души провидеть высоту
Так радостно мне,
Так необходимо!
Мне каждая щербиночка твоя,
Как матери морщиночка, знакома,
И в общий облик твой умею я
Включить привычный лик родного дома.
Ты мне добра преподавал уроки,
Гостеприимно отворяя дверь, —
И как они согдились мне теперь,
Твоих легенд, твоих сказаний строки,
И как в душе моей отозвались,
Соединив навечно даль и близь!

* * *

Старинный собор златоглавый,
Шатёр из раиновых куп, -
Гоненья, забвенья и славу
Ты видел на долгом веку.
Казалось, уже не воскреснут
Житейских понятий азы —
У колоколов провозвестных

Был вырван их вещей язык.
Но в мир возвращается снова,
На вечные круги своя,
Твоё милосердное слово:
Взывает к добру Судия.
Зовеё к милосердию прощенья
И молит нас честь оберечь
И верится в душ очищение
И в радость предбудущих встреч.
И, к прошлым ошибкам взыскав,
Мы ищем молитвенных слов,
А голуби мирно воркуют
На райских высях куполов.
И в память о всех страстотерпцах
В терновых венцах лагерей
Несет Богоматерь младенца,
Похожа на всех матерей.

* * *

Полуразбитый глиняный кувшин,
Изделие безвестного умельца,
Хранит в себе нетленно часть души
Давно уже ушедшего владельца.
Читай таинственные письмена,
Означенные выцветшею охрой,
И слушай, как седая старина
Вдруг отзовется сокровенным вздохом
Хитросплетенья вековых дорог,
Светильники, хоругви и фузели -
Кто б разобраться в тайне древней мог,
Когда б не вы,
Хранители музеев!
Спасибо вам —
Мой не прервется род,
В неведомые воды Леты канув,
Не превратится отчий наш народ
В не помнящих родства, слепых Иванов.
Заполнена истории скрижалей,
Мы к вечности сюда приходим в гости,
И пращуров далеких наших кости
Здесь, словно в усыпальнице, лежат.
И до тех пор куда их хранят,
Простые не утрачивают вещи
Знаменья века и язык свой вещей,
И рукописи —
Не горят!

* * *

Пропали слова:
«Пожалуйста»,
«Будьте добры»,
«Извините» —
И в мире убавилось жалости,

Обессилело слово-целитель.
Не сравнивают любимую
С зарей,
Со звездой,
С горлинкой —
И люди проходят мимо
Печали, берущей за горло.
Слова бренчат, как железные,
Их больно и нудно слушать,
И только одна Поэзия
Врачует усталую душу.

* * *

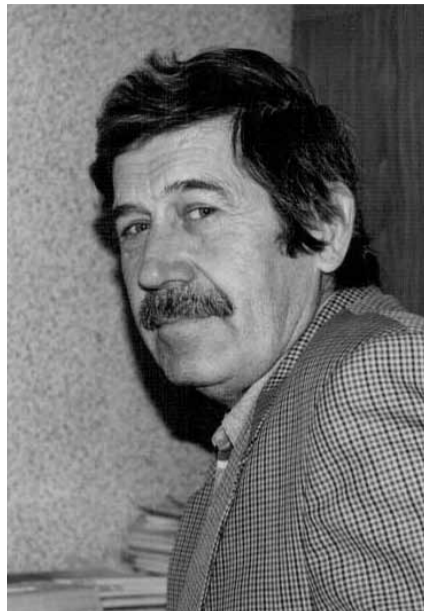
Сквозь лет и разлук расстояние,
Сквозь жизни обыкновение —
Слышу твоё дыхание,
Слышу сердцебиение.
Зори растают ранние,
Росы падут вечерние —
Слышу твоё дыхание,
Слышу сердцебиение.
Э то - противостояние
Памяти и забвения...
Слышу твоё дыхание,
Слышу сердцебиение!

* * *

Я выросла в казачьей стороне,
С аулом осетинским сопредельной,
И голос матери украсил детство мне
Напевами казачьей колыбельной.
А добрый свет соседского окошка
Светился мне в вечерней тишине,
Где пела осетинская гармошка
О вольности, о счастье, о коне...
Я помню смутно: прадед или дед
Глядел в лицо мне, словно бы приснился,
Наряженный в папаху и бешмет,
Он нежно к русской женщине склонился.
Я помню терна дикого оском:
Нам привозили с дальних гор гостинцы
И, называя деда кунаком,
За русский стол садились кабардинцы.
Обед варила бабка не спеша,
Горел очаг в соседской половине -
И запах осетинского фыдчина
Мешался с сытным духом кулеша.
Опять друзей мне возвращает детство,
И я меж ними добрый мир творю,
И с девочкой, живущей по соседству,
На языке понятном говорю
У нас в доме не унижали матом
Соперника в пылу словесных битв,
И слово было истоиво и свято
Для будней, колыбельных и молитв.
Когда наш дом поганил сквернословьем
Забредший в гости пьяненький мужик,
То бабушка лишь хмуро сдвинет брови —
И сразу он прикусит злой язык.
За что ж тебя,
Родимая Россия,
Поганим нынче черною молвой
И пачкаем — могучий и красивый —
Язык российский первородный свой?
Как не кричать,
Как сердцем не терзаться,
Когда слова в кострищах лжи горят,
Когда и дети ныне матерятся,
И девушки «по фене» говорят?
Летаем в космос!
Расщепляем атом,
Умеем исцелять от слепоты -
Но почему же перегарным матом
Все эти дива приправляешь ты?
Луч промелькнет -
И отгорят закаты,
Одарит осень знобким ветерком,
И на все это —
Матом,
Матом,
Матом,
Смердящим, непотребным матерком?
Ужели поколение виновато,
В крови и грязи доживая век,
Что на святое
Замахнулся матом,
Как топором разбойным, человек?..
Поэзия,
Той моды не приемляя,
Блудливые не повторяй слова:
Грядущий день твоим сказаньям внемлет,
Твоим стихом История жива.
Ища слова для самовыраженья,
Не замути живой воды родник —
От словоблудия и вырожденья
Оберегай
Родной душе язык!

ЮБИЛЕЙ

А.Г. Федорченко

Александр Георгиевич Федорченко родился 23 августа 1942 года в г.Тихорецке Краснодарского края в семье рабочего-железнодорожника. Среднюю школу окончил в 1959 году. Два года после школы работал на Тихорецком мясокомбинате. В 1961 году поступил в Краснодарский пединститут на историко-филологический факультет, который окончил в 1966 году, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории.

Работал в Каменноостской спецшколе Майкопского района в качестве воспитателя несовершеннолетних преступников. В 1967 году поступил на работу в Кубанский сельхозинститут на подготовительный факультет для граждан зарубежных стран и стал преподавать русский язык.

Первая статья опубликована в журнале «Москва» в 1974 году. Затем были публикации в журнале «Знамя», альманахе «Поэзия» под названием «Комментарии необходимы» (о творчестве начинающих критиков и поэтов).

В 1984 году выходит в свет научно-художественная биография академика П.П.Лукьяненко в серии ЖЗЛ (изд-во «Молодая гвардия»). В 1989 году книга была переиздана в Краснодаре.

В краевых газетах «Советская Кубань», «Комсомолец Кубани», «Краснодарские известия», «Кубанские новости», «Кубань сегодня», а также в альманахе «Кубань» в разные годы опубликованы статьи, посвященные творчеству Сергея Есенина, Бориса Зайцева, Николая Рубцова, Валентина Распутина, а также наших земляков: Юрия Селезнева, Юрия Кузнецова, Виктора Лихоносова, Виталия Бардадыма, Валерия Горского. Совместно с В.Лихоносовым подготовил к печати книгу воспоминаний о Юрии Селезёве «Память созидаящая».

С 1992 по 1994 годы — зам. редактора газеты ВКВ «Казачьи вести», с 1998 года — редактор отдела поэзии и прозы журнала «Родная Кубань».

В апреле 1996 года решением выездного Секретариата правления Союза писателей России принят в члены Союза писателей России.

Живет в Краснодаре.

«Я ПО ЗЕМЛЕ
ПРОЙДУ, КАК ПО
ВЕСНЕ...»

Как написать о своем ровеснике, однокашнике, земляке? Передо мной посмертная книжка его стихов, да неотступно преследует есенинская строка:

Не буди только память во мне...—

как предупреждение обойти стороной наветы и предубеждения, что витали вокруг имени Валерия Горского ещё недавно.

*Я иду, двоясь в витринных стеклах,
Дождь осенний льет за воротник...—*

Таким в последние годы он мне и запомнился, где-нибудь на Красной, вблизи Ворошиловского сквера, чуть запрокинув голову и всё ещё по-юношески застенчиво отводя расширенно-удивлённые глаза на остывшем лице, скажет: «Ну, как дела, старик? Что нового в Москве? Селезнёв наш как пошёл — читал его статью в «Литгазете»?» И примется сетовать на то, что никак не попадёт в Москву: так хочется пообщаться с пишущими людьми. Мне, говорит, не для связей нужна Москва, мне ВЛК как образование необходимы, ты же знаешь, что последние курсы я на заочном был, а какие там знания дают? И как бы между прочим заметит, что попал в аварию, здесь, на Красной, недавно из больницы.

Несмотря на его кажущееся легким отношение к себе, судьбе и окружающим, он был в курсе всех литературных перипетий. Как-то вдруг спросил: «А ты знаешь Вадима Кожина? Вот пишет мужик! Говорят, сам Евтушенко побаивается его статей...» Было это ещё в ту пору, когда поэт всюду гремел, а известного ныне критика широкая почти не знала.

Когда на ходу я протискаиваюсь взглядом сквозь толпу народа к Дому книги, и вдруг глаз упирается в кого-то, лишь на какой-то миг похожего на В. Горского, меня в который раз охватывает оторопь, и вспоминается давняя поездка на товарняке в Тихорецк, минутная стоянка на разъезде «Козырьки» и то, как мы прыгнули с лязгающего железом состава на придорожную травку, и он, прохаживаясь туда-сюда, полушутливо-полусерьёз заметил: «Запоминай, старик, напишешь когда-нибудь обо мне, как добирался на этой колымаге!» Не знаю, чего у него тогда было больше — заносчивости или мечты. Скорее всего, он был полон веры в свою будущность как поэта. Написано им до обидного мало. К тому же он так и не приблизился в своём творчестве к черте зрелости, когда поэта волнуют судьбы Родины, земли родной, судьбы народные.

Да, он — поэт камерного жанра, он — лирик по преимуществу. «Но как же страсти, борения и кипение чувств?» — спросит иной читатель. И он будет прав. Валерий Горский не пришёл, к сожалению, ни к цельности, ни к какой-то сквозной своей теме.

Справедливости ради замечу, однако, что он нащупывал эти пути, пытался выйти на широкую просторную дорогу, и это заметно в таких стихотворениях, как «Кубанская осень»,

*«Родина», когда он пишет:
Ты каждую веткой зовешь,
Ты каждой судьбой поражаешь.
Широкая — не обойдешь.
Высокая — звезды качаешь.*

Словно летние полуночные зарницы вспыхивают в памяти отблески давних встреч.

Вот промелькнул миг, когда в знойный и влажный после недавнего ливня день мать моя хлопочет у печки и повторяет, в который раз ожидая: «Да когда же они придут?» Ну вот, наконец, и гости. Среди них и Валерий. Заливисто лает у калитки Казбек, обвислые кусты роняют, выпрямляясь, обильную влагу на шлаковые дорожки при первом прикосновении. Рассматриваем книги, говорим, говорим наперебой о поэтах. И через долгие годы, потом, при встрече, он вдруг радостно-удивлённо воскликнет: «А что, у тебя дома так и растут шампиньоны в саду, под кустами крыжовника?!»

Но более всего защежит сердце, когда на

Челбасе, посреди сухих зимних камышей, в заводях, будто гребешки пены вдали, затем — ближе, как сказочные сахарные баранчики — белые пары лебедей качаются на иссиня-рябой воде и шеи у них изогнуты тонко-картинно, как на простенных послевоенной поры самодельных коврах.

В любую погоду держится эта птица парами, а поезд мой простучит колесами, и вот уже идёшь по центральной улице родного городка и знаешь — там, в том доме, окрашенном в светло-охристые тона, где когда-то был книжный магазин, прямо над ним, на этаже втором прошла его юность. Там ожидали его приездов бабушка, отец с матерью и сестрёнка. И бабушка хлопотала, накрывая стол, и было уютно от большого фикуса, от мерехлявых белых салфеток на радиоле и скатерти.

И Леонид Иванович — как всё это было недавно! — интересуется, когда же, наконец, выйдет книжка, и, узнав, что с набором вышла какая-то задержка в Майкопе, сокрушается, обращаясь к жене: «Они не могут теперь сказать толком, насколько опаздывают с выпуском! Да знают ли они там, что это безобразие? Подумать только — так обращаться со стихами!» И бабушка вся сияет, приговаривает: «Лерик приехал! Лерик приехал!» А мне, чтоб никто не слышал: «Вы там вместе учитесь? Прошу вас, присматривайте за ним. Вы только посмотрите на него — он сам ничего не может... Помогите ему...»

И ещё, из той же ранней поры. Зной, духота, мы с ним на крохотном тихорецком кладбище, что рядом с бойней. Мухи звенят, шмели копаются в цветках. Он ещё совсем юный, со свежей кожей лица, но уже с характерным похотываньем, так нехотая переходящим вдруг в пугающий астматический приступ кашля. У него тёмные колечки будто завитых вокруг тонкой шеи волос и чуть выпуклые, как у оленёнка, беззащитные светящиеся карие глаза. Он читает стихи посреди тихо стоящих зелёных и синих крестов из железных труб, а рядом простенькая могила дедушки. Он просит:

*Синий колокольчик,
Зазвени
И разбуди деда...*

С нежной и ранимой душой прошёл он по этой жизни...

СТАРОМОДНЫЙ
РАДЕТЕЛЬ

Уход Виталия Петровича Бардадыма знаменует собой завершение целой эпохи. Эпохи народной, неофициальной истории. Его голосом заговорили тысячи и тысячи кубанцев, кои, казалось, навеки были погребены рекой забвения. Он оставил в своих книгах не только своё понимание и видение кубанского мира: его трудов, вдохновений, крушения и воскрешения на исходе XX века. Он был историком пытливым и добросовестным, работал упорно, систематически, даже с какой-то почти немецкой пунктуальностью. Обилие трудов, оставленных им, говорит само за себя. Он любил книгу, его волновали и её степень сохранности, вид и запах, он трепетал и млел над её страницами. Особенно это касалось книги старинной с ятями и ерами, с литографиями или рисунками. Да, ещё переплёт из телячьей кожи, золотой обрез, стояные, словно офицеры царского конвоя, тома словаря Брокгауза и Ефрона, чудесные издания Сытина, Сабашниковых, Вольфа, Девриена, А. Суворина, Сойкина, приложения к журналу «Нива» Ф. Маркса, томики Сергея Максимова из «той», «Всемирной Библиотеки». Всё это служило ему подспорьем в многотрудной и такой ответственной работе по воскрешению народной памяти об императорской России. Многие значили для него не только горящая лампадка, Лики Христа в его крохотном кабинетике на четвёртом этаже, но и созерцания старинного самовара фабрики Баташева, истёртая временем серебряная чайная ложечка.

Понятие «городская ткань» было ему близким и оттого диким и абсурдным представлялись устремления тех, кто хотел поскорее превратить центр горда в «европейский город» с двадцатизажными коробками. В

былые годы он ходил по базарам города, беседовал с бывальыми, знавшими иные времена людьми, сидел в архивах, ездил за свой счёт в Москву, Ленинград, Ригу, Одессу, Кишинёв — чтоб на месте увидеть самому то, о чём будет писать. Он был натурой цельной, не отвлекался по пустякам, а занимался своим делом с завидным упорством и постоянством. Обо всём несущественном, мелком в его понимании, он отзывался нелестно, но верно, повторяясь: «Это всё пустое, друг мой...» Ему было мучительно жалко ушедшей эпохи старой России, и он с удесятерённой энергией вызывал к жизни и Петра Лещенко, и атаманов царского времени, и артистов, и безвинно (как и его родного отца) загубленных обитателей войскового града, где безумные поздние «властители дум» восторгаются памятником... собакам, как и самим надуманным названием города. Он тосковал по благородству, которое почти исчезло из человеческого обхождения, и он старался его отыскать и преподнести нам, раскапывая ли историю городского колодца, либо распутывая узелки судьбы Марка Пихацкого и его бани, булочника Киор-Оглы или короля масла Аведова. У него было неиссякаемое юношеское любопытство и строго научный подход горячее, сострадающее сердце и потому долго ещё во всех уголках Кубани (забудут многих), можно будет слышать: «Был такой в Краснодаре Виталий Бардадым...»

Он боролся не только словом, но и делом доказывал свою правоту — отстаивал территорию, на которой стоят больница и церковь, выявляя принадлежность захоронений на Всесвятском кладбище или на Крепостной площади, писал письма в защиту старинных зданий. И это будут помнить все, кто радеет за историю Кубани, за сохранение её исторического и культурного наследия. Его голоса, его несколько старомодной манеры общения будет не хватать тем, кто его близко знал, но дело его жизни уйдёт далеко вперёд и не раз ещё помянут его потомки!

КАМЕННОМОСТСКАЯ
СПЕЦШКОЛА

Вышло так, что в конце 60 годов несколько выпускников пединститута добирались на работу в Богом забытое место (от Майкопа километров семьдесят). Убогий автобусик продвигался мимо Тульской, Абадзехской станиц. Речка Белая по прижималась ледяными перекатами со сверкающими на солнце булыжниками, то ластилась к пологому берегу, сторонясь отвесных выходов горных пород.

Бот, наконец, и Хаджох, природная арка в виде моста через Белую, поворот на восток, резко влево. Дорога становится узкой, малоземной. Лес отступает со всех сторон. Мотор натужно ревет, наконец через некоторое время и вовсе глохнет, не выдерживает крутого подъёма... «Дунькин пупок!» — кричит кто-то из местных, выбегает наружу, за ним ещё двое, дружно подталкивают.

Отряд, в котором мы стали работать с товарищем, насчитывал двадцать человек. Тут оказались дети из неблагополучных семей. Они были лишены свободы за различные проступки. Были они, почитай, со всего союза: из Брянска, Перми, Чечни, Астрахани, Сочи и, разумеется, со всей Кубани.

Одним едва исполнилось десять годков, другие уже достигали совершеннолетия. Всего в спецшколе содержалось до двухсот человек.

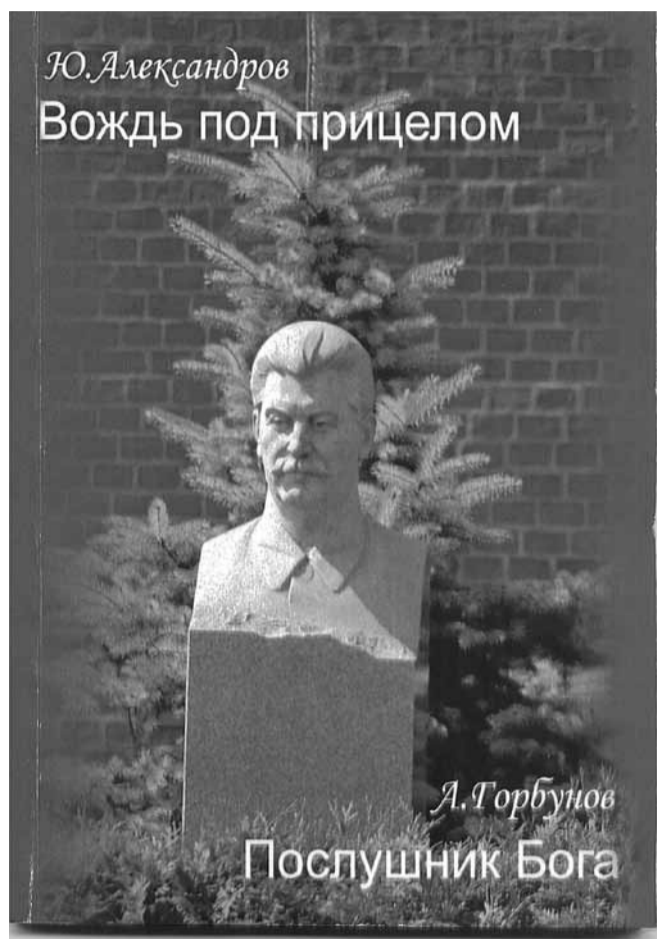
Директором на ту пору был Михаил Степанович Вязников. Это был человек оригинальный. Неделями он мотался по краю, выбивал средства для приобретения одежды, оборудования, того, чего было в обрез у воспитанников. Когда после очередного группового побега вся школа понуро стояла в строю на стадионе, он, распекая оступившихся, приговаривал: «А что, если мы все вместе возьмём, да и откажемся от вас таких?! И не видать вам тогда нашей дружной семьи! Я вот скоро поеду в Краснодар, привезу пальтишек, ботинок, рубашечек — заживём на славу!» Хмурится тёмная масса взгляды исподлобья, от безучастных до откровенно злобных...

В кабине директора висела огромная олеография — панорама монастыря, некогда расположенного в этих местах.

(Продолжение на стр. 7)

Послушник Бога

После смерти Иосифа Виссарионовича в его письменном столе был найден аккуратно сложенный, как бы для письма, лист бумаги, на котором его рукой были написаны стихи.

Поговорим о вечности с тобою:
Крнечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбой,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.
Он не давал ни сна мне, ни покая,
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенского настроя,
Железной волей управлял страной.
И лишь потом, весной, в 45-м,
Он прошептал мне тихо на ушко:
«Ты бы лмоим послушником-солдатом,
И твой покой уже недалеко!»

Удивительное признание.
Вдумайтесь в поэтическую исповедь Сталина.
Он чётко и ясно говорит, что всю жизнь ощущал вездесущий взгляд того, кто управлял его судьбой. Он всегда подчинялся ему, выполнял его волю, как раб Вселенского настроя.
Кто организует и создает этот Вселенский настрой?
Никто другой не может им быть, кроме Бога, Создателя, Творца жизни! Как утверждает Библия: вся власть от Бога!
Так кем же был Иосиф Виссарионович? Рабом, Мастером, Бичом самого Бога?
Церковь сама ответила на этот вопрос благославлением Патриарха Московского и Всея Руси Алексия 1 в 1953 году. В поминальной речи он говорил о Сталине как Святом мученике, покидающим земную юдоль.

Некоторые историки вполне серьезно считают, что Иосиф Виссарионович стоит у истоков возрождения христианства на Руси, которое по его инициативе началось в 1943 году.
Так, в 1945 году Патриарх Александрийский Христофор писал: «Маршал Сталин, являясь одним из величайших людей нашей эпохи, питая доверие к церкви и благосклонно к ней относясь... Маршал Сталин... имеет обилие божественной благодати и благославления, благодаря которому русский народ под его руководством с непревзойденным самоотвержением наносил сокрушительные удары вековым врагам».

— Сталин великий грешник, — предчувствуем яростное возражение некоторых верующих и неверующих, — на его совести много загубленных жизней. Спорить не будем: время Сталина было суровым и жестоким не только в СССР. Действительно, в двадцатые годы в тюрьмах и лагерях сидело много людей, были среди них и невинные, которых оговорили подлые люди. Но в тоже время нельзя согласиться с теми «историками» (среди них — Нобелевский лауреат Солженицын. Не случайно в его фамилии корневым словом является слово- «ложь». Соврет и не моргнёт!), что упрямо твердят о некоем архипелаге ГУЛАГе, в котором умирали миллионы людей. Хочу напомнить, что в те времена на тысячу человек населения заключенных в Гулагах США и ряда европейских стран было значительно

больше, чем в СССР. И если учитывать, что в США перед мировой войной были арестованы и заключены в тюрьмах все японцы американского происхождения, а чернокожие были, по-существу, лишены элементарных человеческих прав, то пальму первенства по репрессиям того времени следует отдать США. Да и сегодня в США в тюрьмах и лагерях сидит более 2 миллионов человек, что почти в два раза больше, чем в республиках России... Конечно, эти цифры ни в коем разе не умаляют грехов нашей судебной репрессивной системы.

Мы верим: придет время и станет известно: почему и по чьей инициативе были тогда загублены многие жизни невинных, в основном, русских людей. Все тайное рано или поздно становится явным... И еще хочу напомнить праведникам-обличителям в злодеяниях Сталина, что святой Павел когда-то был Савлом и уничтожал христиан.

Образ И.В Сталина в глазах миллионов людей адекватно отвечал духу эпохи. Это был человек железной воли и дисциплины. Был он сыном сапожника и прачки из г. Гори, прошел путь революционера - подпольщика, побывал в царских тюрьмах и ссылках. Под руководством Сталина в кратчайшие по историческим меркам сроки было проведено коренное переустройство всех сторон общественно-экономической жизни страны, или, как тогда говорили, было осуществлено «построение социализма в отдельно взятой стране». Впервые в мировом сообществе им было создано новое Государство с новым типом общественно-экономических отношений, альтернативное рыночной, то есть капиталистической экономике. Особое место он занимает в организации разгрома гитлеровской Германии и ее союзников, благодаря которому не только наша страна, но и весь мир был избавлен от угрозы порабощения и уничтожения целых народов.

То, что в неимоверно короткие сроки наша страна под руководством Сталина, путем умелой мобилизации и огромного напряжения народных сил разрушила монополию США на обладание ядерным оружием, также имеет огромное всемирно- историческое значение для сохранения мира на современном этапе.

Благодаря особенностям своего характера, бескомпромиссной личности он смог успешно выдержать жесткую линию на укрепление позиций нашего государства во внешней политике и противостоять многим попыткам извне ослабить СССР.

Огромная роль И.В Сталина в создании сочинского курорта. По-существу, современный курорт Сочи - его детище. Убедившись на собственном опыте в эффективности мацестинского лечения в 1929 году, Сталин стал инициатором создания - Всесоюзной здравницы. По его инициативе в Сочи был открыт институт курортологии, которому было поручено изучать действие минеральных вод на организм человека и разрабатывать эффективные лечебные методики. Всего за 10 предвоенных лет, в этот чрезвычайно короткий срок, лучшие архитекторы стран создали на побережье инфраструктуру и около двадцати дворцов - здоровья, в которых, в основном, за счет государства, имели возможность отдыхать и лечиться круглый год трудящиеся страны. Так решалась одна из главных задач социальной политики СССР - оздоровление нации.

Иосиф Виссарионович перетряхнул всю гигантскую страну и вывел ее из отсталой аграрной в мощную индустриальную державу с солидной и эффективной экономикой, способной говорить на равных не только со странами Европы, но и с США.

Что характерное, положительное было в сталинскую эпоху? Прежде всего, это целеустремленность, настойчивость и динамизм в проведении намеченных преобразований, безусловный приоритет интересов государства, смелое выдвижение молодых кадров на руководящие посты, бескомпромиссное отстаивание позиций нашей страны на международной арене, а также существование тогда в сознании людей ощущения общенародного единства и доверие граждан к власти. И, главное, наличие четко сформулированных и понятных народу целей и задач стратегического развития страны.

В последние годы о Сталине, его деятельности опубликовано огромное количество противоречивых книг. Одни писатели-исследователи с желчью на устах доказывают, что был он исчадием ада, что сутью его деяний была жажда ни кем и ни чем не ограниченной власти. Эти «биографы» Сталина, в основном, космополиты, считали его антихристом. Большая часть исследователей его жизни не столь категорична, и в оценках и выводах, сообщает удивительные факты его деятельности, в которых он предстает требовательным, принципиальным и честным человеком, посвятившим свою жизнь созданию нового социалистического государства. Каждая эпоха имеет свои идеалы, своих вождей, свою экономику, свою культуру...

Давно известно: миром правит дух, порожденный жизнью и общей, объединяющей людей, идеей.

Идея начала XX века — социальная революция, дух этого времени — непримиримая борьба с противниками революции, с теми, кто хотел жить по-старому.

Вождем становились бескомпромиссные борцы социальной революции.

Таким вождем был Сталин.

Известный всему миру писатель, знаток человеческих душ, тонкий политический аналитик Герберт Уэллс, который в свое время не очень лестно характеризовал вождей пролетариата К. Маркса и В. Ленина, о Сталине говорил восторженно и уважительно: «Я никогда не встречал более чистосердечного, справедливого и честного человека, и своим потрясающим неоспоримым восхождением он обязан именно этим качеством, а не чему-то темному и зловещему...»

А вот мнение тонкого, вдумчивого и принципиального писателя Стефана Цвейга об эпохе Сталина, о России и ее людях того времени.

«Две недели пробыл я в России, не переставая ощущать тот внутренний подъём, этот легкий туман духовного опьянения. Но что же, что вызвало такое волнение? Вскоре я понял: дело было в людях и в порывистой сердечности, которую они излучали. Все, как один были убеждены, что участвуют в грандиозном, всемирно-историческом деле, всех воодушевляла мысль, что они идут на выпавшие им лишения и ограничения во имя высокой цели. Пришло опьяняюще-горделивое сознание, что они первые, они впереди всех. «Ex oriente lux» («Свет идет с Востока» — с латинского) — они были уверены, что несут избавление. Истина — они узрели её; им выпало осуществить такое, о чем другие мечтали. Какую бы мелочь они не показывали, глаза у людей светились, указывая на новостройку: «Это построили мы!»... окружающая нас, они наперебой объясняли и показывали — они были рады возможности показать результаты своего труда... Покоряла именно эта молчаливая и вместе с тем порывистая сердечность, неизвестные у нас широта и тепло отношений, которые здесь воспринимались обостренно.»

Эти строчки написаны Цвейгом в 1929-30 годах. Из приведенных высказываний можно сделать лишь один вывод: «Да, в стране был культ, но этот культ личности был основан на любви и доверии Сталину, как к Великой личности».

Воодушевленным, узревшим истину, счастливыми действиями своими народ при деспотии и тирании быть не может, каким называют сейчас время Сталина, так называемые писатели- демократы и публицисты типа Сванидзе, Познера, Дейча, Радзиховского, Швыдкого, Млечина, Армолинского и прочих кликуш- русофобов.

И вот парадокс: лучше всего — честнее и правильнее — о Сталине говорили его недруги, с которыми он вел непримиримую войну, которым не давал повода лстыть или угоничать. Послушаем их.

«Это человек, сочетающий в себе громадную, неукротимую волю и необычайную широту натуры... Я считаю, что он является истинным представителем настоящей России, и я надеюсь, что мы, безусловно, будем очень хорошими друзьями с ним и с русским народом... Это человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется.»

Франклин Рузвельт. Президент США. Важнейшие общественные и природные явления. Его надо знать — и в величии, и в ошибках, и в слабости.

Слово бывшему Председателю Союза писателей России, который, кстати, в сталинские годы был репрессирован, отсидел в Гулаге и «ошибки» свои смывал кровью в штрафном батальоне, слово Герою Советского Союза и патриоту России Владимиру Карпову: «Очень мудрый и прочный был человек. Да, культ личности был, но и личность была. Ах, как нашей многострадальной России-матушке сегодня не хватает такой личности»

(Из книги - «Генералиссимус»)

P.S

Два года назад по первой программе ТВ прошел конкурс «Имя Россия». Сотни тысяч телезрителей своим голосованием ошеломили «демократическое» жюри: из 500 имен россиян, вошедших в первоначальный список претендентов за Иосифа Сталина проголосовало подавляющее большинство, и как не пытались апологеты в лице Никиты Михалкова и других очернителей истории обмазать грязью имя вождя и его политическую деятельность, он занял почетное третье место из пятисот, уступив немного лишь Святому князю Александру Невскому и генералиссимусу Александру Суворову. Это, конечно, не случайно. Народ не забывает своих героев.

А. В Горбунов.

Председатель Городского Совета ветеранов В.О.В, труда и правоохранительных органов.

ЮБИЛЕЙ

(Окончание. Начало на стр. 5)

Не верилось после созерцания мрачной картины школьных построек, выщербленного каменного забора, сложенного, как оказалось из разобранных церковных стен, колючей проволоки вокруг него, всей атмосферы узилища с карцером, ШИЗО, что здесь была совсем иная жизнь с множеством каменных церквей, строений, мощёных дорог...

Помню, как ранней весной, когда зелёные иголки черемши полезли из-под заснеженной земли, стали ребята проситься на прогулку, хотя бы на Физияпа, гордо возвышающийся в нескольких сотнях метров от колонии. По слухам мы уже знали, что во время таких выходов побегов не бывает. Командир отряда со слезами на глазах заверял, что все до одного вернутся в зону.

Лежа у, подножия. Физияпа, всматривались мы в резкие очертания Оштена и Фишта, в их белые снеговые громады, либо окидывали взором ближайшие скалы с видимыми глазу пещерами, рыжими прошлогодними травами по всей долине — места, куда уходили поохотиться осенью да и в погожие зимние дни на кабана или козюль, места заповедные, почти не тронутые

КАМЕННОМОСТСКАЯ СПЕЦШКОЛА

человеком. Россыпи цикламенов на проплешинах — от белых, как пятна девственного снега под кустами, до тёмно-фиолетовых, тех, что в февральские окна появляются на Красной в Краснодаре. И хороша черемша с чёрным хлебом и солью, и воздух такой пряный и свежий здесь, на припёке, и резкий снеговой дух уже там, за горой и внизу, где в каменном ложе катит свои воды, огибая Физияп, студёный даже в летнюю жару Фарс. Стремится он с ледников в долину, где вблизи станицы, некогда называвшейся Царская, сохранились руины от памятника Александру II, который посетил эти места по случаю замирения на Кавказе.

И в то, что здесь был некогда монастырь, что на горе сияли золотом кресты, и их можно было видеть в ясную погоду уже подъезжая к Майкопу, что здесь стояли многочисленные храмы, во всё это верилось с трудом.

Скользить одному по свежему негу, выбирать по своему вкусу пологие округлые холмы, зацепить вдруг палкой и увидеть в солнечном свете зеленовато-жёлтую

пыльцу с висячих серёжек — это ли не запомнить? Или смотреть на досуге, как свозят по чёрным кривым дорогам из лесу на телегах мешки с грушей-дичкой, а к вечеру узнать, как в большую прямоугольную яму подбрасывают свежие дубовые поленья и стерегут до утра, чтобы не лизнуло пламя, а лишь курился дымок (коптят рассыпанные на плотно уложенных друг к другу ровных кольях яблоки и груши). А там уже к маю один из надзирателей, балагур и сердцеед, скажет: «Тут земляники — бери — не хочу! Пойдешь в сторону Дунькина пупка, там её и хватай, становись на колени, собирай. Да смотри по сторонам: медянка укусит — никто тебя тут не спасёт!»

Обедали воспитанники в каменном здании, называемом неспроста Трапезной. В полуподвалах ещё со времён монахов сохранились большие каменные чаны, в которых, как и прежде, заготавливались сольёныя: капуста, грибы, коих в этих местах великое множество.

Были неподалеку от колонии пещеры, в

которых молились монахи. Об этом напоминает мне стёршийся медный крестик с изображением св. Николая. Как попал он в руки одного из воспитанников? Кто был человек, носивший его? Моряк? Воин? Казак? Или он был из тех ещё, что пришли с Афона? Бог весть...

Не ведаю, кто теперь проживает в бывших кельях, где мы коротали зиму. Снуют и по сей день в тех местах по стволам вверх-вниз поползши, белочки скачут у подножия Физияпа с орешины на орешину, трескочут, завидев человека, неугомонные сойки, объедают кусты калины дрозды-рябинники, а по осени гулко шлёпаются на охотничью тропу под вековыми чинарами чуткий голубь витютень, и капельки крови блестят на вывернутых из разорванного зоба орешках-чинариках. Всё так же в соседнем хуторе Победа добывают в карьере камень и из него выделывают всё те же светильники и соушек? Говорят, что там, где была колония, теперь стояла лошадиные, какая-то конноспортивная база для туристов. Светильник же веры пока во тьме. Не сияют, как встарь, его купола, не ведёт к горе Фавор мощенная усердием первых насельников дорога...

ПРОЗА

Степан Деревянко

КАК УХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Что ни говори, а река жизни течёт в одну сторону. И ничего с этим не поделать.

— В старости, сынок, что за жизнь, э... — говорит он мне и машет рукой. — Молодым надо жить, в молодости жизнь интересная, полезная. А в старости? Э... Сгорнуть всех стариков в одну яму...

— И кто ж это будет делать, молодые?

— Молодые, а кто ж ещё?

— Тогда они, отец, совсем остервенеют. Они и так теперь не дюже жалостливые, а тогда вообще одной кровью питаться станут. Нельзя так. Надо, чтоб молодые жили со стариками, видели их, по крайней мере, и понимали, что сами будут такими же слабыми, больными.

— Та надо, — соглашается он.

— Старики, отец, это как уходящее на закате солнце. Завтра оно взойдет с утра новыми жизнями. Потом опять закатится, опять взойдет. И так всегда — одни уйдут, другие придут на белый свет, как утреннее солнце. А молодость — она как время до обеда. Туда-сюда, и уже обед... Ты лучше меня, отец, знаешь жизнь и то, чего она стоит.

— Та кажись знаю, — опять односложно отвечает он, вздыхает и добавляет, — Хорошо говоришь, сынок, умённо. Аж мозги мои седые зашевелились.

И он улыбается мне открыто, бесхитростно, всем лицом в белой щетине, кричит, охает, бурчит сам на себя: «Сгорнуть всех...» и бредёт на колченогих шатких ногах на порожки. Там старик любит посидеть и подышать во вред здоровью. Но курит редко, и медперсонал этой старой сельской больницы ветерана прощает. Его и так продержали двое суток в коридоре на топчане — думали, что на деда наслеза зараза (он весь в красных пятнах, будто обрызган киноварью), но оказалась болезнь не опасной, и старика определили в палату, и нас теперь двое. А старик, Андрей Кириллович Федорченко, инвалид Отечественной, 1925 года рождения, из тех, кто выжил в войну чудом и дожил до этого 2012-го, что тоже иначе как чудом не назовёшь. Но, тем не менее, восьмидесять лет за спиной. И в свои годы он невысок, шупл — подросток подростком. «Пацан», как говорит про себя Кириллович. Наверное, потому и живёт. С «бараньим» весом в старости жить легче. Но он и в войну такой был.

Солдатские вёрсты Андрея Федорченко начались из родного Краснодара в 1943-ем. На Запад. На Восток по малолетству отступить не довелось. Но и в оккупированном

родном городе он в погребе не сидел, выполнял поручения старших, зная город — узнавал, высматривал, что где делают враги, и докладывал. Такие действия разведкой называются. Тогда впервые его немец и подстрелил. Разрывная пуля попала в левую руку ниже локтя. В больницу с ранением не обращался — расстреляли б. Лечили дома, и к освобождению города был здоров. Офи-

— Но там же столько охраны... — заикнулся старшина.

— Не разговаривать!

Поползли. Охрана заметила. Моторы взревели, и танкетки начали давить наших солдат. Андрею переехало гусеницей левую ногу под коленом и завернуло на правое плечо. Сознание он не потерял и видел, что танкетки развернулись додавливать. И

цер с большой шпалой в петлице, которому Андрея представили, спросил:

— С нами пойдёшь фашиста бить?

— Пойду, — ответил юноша.

И не было никакого призыва, курсов молодого бойца и прочего. Одежи, дали винтовку, поставили в строй — войю, солдат. Пехота — мать родная. И всяко было рядовому Андрею Федорченко на войне: и страшно, и голодно, и холодно, и вошь заедала похлеще, чем блоха худую собаку — про всё не вспомнить.

— Да и зачем теперь, я ж не в командирах был. Солдат, а солдатская доля — терпеть, воевать и умирать.

И он рассказывает мне то, что ему никогда не забыть.

...У белорусской границы перед наступлением их полувзводу (17 человек) приказали уничтожить танкетки. Причём днем. Дали каждому такую, как маленькие сардельки, обрешеченную взрывчаткой. Нужно было её бросить в баки танкеток, резина разьестся бензином и взрв.

ему как кто-то подсказал: он брал ладонью кровь из переломанной ноги и мазал себе голову, лицо, грудь. Стал окровавленный. Танкетка проехала мимо и автоматчики, сидящие в ней, его не добились. В той трагедии из семнадцати остался в живых он один — взводный пацанёнок. «Давили нас, как мышат», — говорит дед Андрей.

Не истёк кровью тогда солдат, не умер. Вены основные не порвались, врачи ногу собрали, срослась (колченогая, правда, стала), и пошёл он дальше на Запад в 102-ой штурмовой дивизии прорыва фронта у Рокоссовского. Дивизия эта в наступлении шла первой. После боёв за Кнингсберг войска шли по-над Балтикой на Берлин и под Данцигом часть, где служил солдат, попала в сухую мясорубку. Немец бился ожесточенно — это была не чужая, а его земля. Там, под Данцигом, от взвода Федорченко осталось в живых двое. Андрея, как он говорит, спас командир роты. С пулевым ранением в голову, он его отправил с поля боя в санбат, сказав: «Иди, сынок, может, хоть

ты живой останешься». И было это в марте сорок пятого. Андрей пошёл. И попал под обстрел гаубиц. Слыша падающий снаряд, он свалился в неглубокую воронку, а ноги остались наверху. Сорок килограммов тротила рванули в нескольких метрах. Взрывная волна прошла над воронкой через его ноги. Когда очнулся, разглядел солнце и стволы пушек, направленные вверх. Подумал, что пролежал часа два, но оказалось, что уже другой день. Было абсолютно тихо, ноги не чувствовались. Сообразил, что надо ползти. Выполз и потерял сознание. Нашли его солдаты из другой части.

Контузия оказалась ужасной. Он оглох, почти ослеп, толком не соображал, и ноги одеревенели. Полный инвалид. И никто ему не мог сказать, отпустит ли его когда-нибудь контузия. Но живуч человек! Через десять лет ноги пошли, костылям была дана отставка, и солдат женился на хорошей женщине Марье Ивановне. До женитьбы он работал сторожем в бригаде колхоза «Коммунар» станицы Новоминской, а когда ноги стали ходить, сел на трактор. Марья Ивановна родила ему сына Анатолия, единственного ребёнка, но в Афганскую Толя погиб. Сердце матери не сдюжило горя, и Андрей Кириллович остался, как и после войны, один. Потом, уже в старости, женился на женщине своих лет, Людмиле Васильевне, и теперь старушка ходит его проведывать.

— Дедулечка! Идите кушать, обед, — зовёт его пухленькая молоденькая нянечка.

— Иду, — бубнит Кириллович с порожков.

— То спать, то лежать, то есть — житуха...

— А Вы будете обедать? — спрашивает пухляшка меня.

Качаю головой. Я под капельницей, да и не хочется. А Кириллович кладёт в тарелку с супом хлеб, обстоятельно вытирает рукой чистую ложку (фронтальная привычка, когда ложку носил в сапоге!) и зачерпывает варено. Ест и о чём-то думает. Глубоко, видать, копнул память. Жизнь-то ого-го какая! Не думал даже, что будет жить долго, а тут уже рукой подать до девяноста. Хлебают старый больничный супчик, думает и произносит:

— Ну и сказал ты про стариков... Солнце что они заходящее. Мудрёно сказал, сынок. Может, оно и так, как сказал. Жизнь — она и светлой бывает. Только сам того света не видишь, другие замечают. Как я свои медали. Э... Старость... Сгорнуть всех...

И я вижу, как дрожит на его ложке капля.

Степан Деревянко,
станция Стародеревянковская.

ПОЭЗИЯ

«Я в судьбах останусь цветами и небом...»

Несколько лет назад между мной и Анной Вартаньян, живущей в Гулькевичах, возник, как радуга после дождя, некий духовный мост, поддерживаемый телефонными звонками и интернет-контактами.

Впервые я обратил внимание на её творчество, прочитав в туапсинской «Звезде Черноморья» несколько стихотворений Анны Евгеньевны. Впечатление отозвалось статьёй в «Кубанском писателе», которая была благодарно воспринята её «объектом».

Я понял, что у нежной и незащищённой души стихотворца и музыканта Ани Вартаньян есть огромная «надоба» (по выражению М. Цветаевой) в понимающих душах других людей. Неслучайно у неё сложилась многолетняя дружба с кубанским поэтом Алексеем Горобцом и, особенно прозаиком, поэтом и музыкантом, председателем нашей краевой писательской организации Светланой Макаровой. В родстве их душ ощущается нечто прямо-таки магическое. Анна Евгеньевна посвятила своему кумиру массу стихотворений, которые войдут в её новую книгу «Радость негасимая...», а на стихи Светланы Николаевны написала и передала в издательство альбом песен.

*Закат калиновой свечой
Горит над окликом
тетради.
Я знаю, ты придёшь ещё –*

*Всего святого в жизни
ради.*

Нелёгкая, но счастливая судьба выпала Анне Вартаньян. Многим обделена в земной жизни, она с избытком вознаграждена возможностью духовного творчества, вдохновенными поэтическими «полётами во сне и наяву».

*Я в судьбах останусь
цветами и небом,
По капельке в каждом, кто
рядом
прошёл.*

*Мне этот секрет почему-
то стал ведом,
Как хлеб, что положен с
любовью на стол.*

Стихи поэта всегда искренни, часто исповедальны, они родственны русскому фольклору, многие похожи на молитвы. Их лексика и образность свойственны только этому автору, они всегда узнаваемы, многие из них глубоко трогают читателя.

Я рад, что в качестве более опытного коллеги смог оказать некоторую помощь Анне Евгеньевне в работе над новой книгой, тем самым, заслужил право причислять себя к её близким духовным друзьям.

*Валерий Клебанов,
член СП России,
лауреат премии им.
Александра Невского,
кавалер Золотого ордена
Международной Академии
культуры и искусства.*

Анна Вартаньян

ЛЮБИМЫЙ

Нет у меня любовников.
Только – любимый. Ты.
Сосен высокие оклики
Дарят душе мечты.
Небо, как птица синяя...
Вот бы к нему взлететь!
Сердцем впитать просимое.
Только бы верить, смель.
Смею. И жарко верую.
Здравствуй, любимый мой!
Горе в земле потеряно,
Небо и ты – со мной.

ВАСИЛЬКИ

Я тебя люблю вот такого:
И душа – на взлёт, и – строка.
И не мыслить уже иного,
И горит от счастья тоска.
Пусть её окаянство сгинет,
Станет хлебом на рушнике.
Васильки в полнозвучье синем,
Солнце, ветер, смятенье ливней
И рука – на твоей руке...

РОМАШКИ

Прилетела к тебе. Осталась
Белой книгой в ладонях дней.
И огня заплескалась алость,
Только мы не сгорели в ней,
А взлетели судьбой-строкою,
Подхватила Россия нас.
Я ни с кем не была такою,
Лишь с тобою, родной, сейчас.
И у Родины на ладонях –
В белодивье её любви –
Мы о боли своей не вспомним.
Мы ромашками проросли...

ПОКОЙ

Спи, мой милый. Я ночь попрошу
Не тревожить тебя целованьем.
Лампу, тихо войдя, погашу
И услышу родное дыханье.
Одеяло поправлю и вдруг...
Вдруг почувствую счастье простое:
Ни страдания не стало, ни мук
В доброкрылых ладонях покоя

ВЕРЕСК

Тревожно-горький запах вереска
Летит над пустошью и сердцем.
И в радости почти не верится,
И у огня не отогреться.
В ладони – шарф из шёлка синего,
Как неба краешек спасающий,
Как жизни трепетная линия,
Как оклик твой, в тоске не тающий.
Сломил веточку у вереска,
К губам прижала горечь хрупкую.
Печаль травой покорно стелется,
Любовь не станет лёгкой шуткою.

СМЫСЛ

Что жизнь моя была,
Пока тебя не знала?
Всего лишь сон.
Любовь ей смысл дала,
Начал святых начало...
Судьбы полон
Теперь уже не страшен
И не опасен,
Как снег весной.
Тепло от чёрных пашен,
Луч солнца ясен,
Раз ты со мной.

СКАЗКА

Вновь чуть слышно падает листва,
О любви пытаюсь рассказать.
Воздуха прозрачная канва
Помогает сказку вышивать.
Нити Осень щедро дарит мне,

Синий бархат развернула Ночь
И свечу затеплила в окне,
Прошептал: «Теперь работай, дочь».
Грусть и нежность в вышивке
сплелись,

Встреч оттенки, отсветы разлук.
У Дождя жемчужинки нашлись
И, упав, легко коснулись рук.
Засмотрелась юная Заря
На подругой вышитый ковёр.
Там холодным утром октября
Разгорался сказочный костёр...

СИЛА

Ну, откуда ты взялся такой –
Озорной, сероглазый и юный?
От тебя потеряла покой,
Зазвучали души моей струны.
И стихи прилетают опять,
Потому что люблю тебя, милый.
И никак не могу совладать
С этой властной и трепетной силой...

«КАК БЕЗ НЕБА
СИНЕГО...»

Закатилось солнышко
За Кубань-реку.
Зарыдала девушка –
Не унять тоску,
Не развеять горечи,
Не прогнать печаль,
Только тёмной полночи
Бесконечна даль.
«Где ты, мой единственный,
Возвратись, молю.
Губы шепчут истово:
«Я тебя люблю...»
Даже маки алые
Без тебя грустят.
Ветры – братья шальные –
Мне помочь хотят
Отыскать любимого –
Счастье возратить.
Как без неба синего,
Без тебя не жить...»

ДЕБЮТ

Николай Чупахин

Краснодар

Есть одно в Адыгее местечко,
Где из черных расщелин в горах
Пробивается Белая речка.
Там Киша – ей подруга, друг – Дах.
И, лаская гранитные скалы,
Становясь полноводней, сильней,
От ручьев, от больших и от малых,
Она мчится к Кубани смелей.
Моя родина – горы, равнины,
И леса, и озимых поля,
И пейзажи твои несравнимы,
Тут – станица родная моя!

Витают запах жженных листьев,
Сгорает золото в огне.
Где неба синева нависла,
Там пляшет солнце в вышине.
Лучи, пронизывая кроны,
Густой развеяли туман.
У речки ива бьёт поклоны,
Надев осенний сарафан.

Спасибо, Боже, что живу!
Иду по жизни, спотыкаюсь,
Тебя молитвенно зову
И с горьким плачем каюсь, каюсь...

Спасибо, Боже, что живу!
Порою с жизнью пререкаюсь,
В молитвах вновь Тебя зову,
И снова каюсь, каюсь, каюсь.

Мою дорогу знаешь Ты,
Мою судьбу Ты знаешь тоже,
Мои молитвы слышишь Ты
За все Тебе спасибо, Боже!

Святая Русь – поля ржаные,
Березок девичья краса,
Луга и поймы заливные
И изумрудные леса.
Величье храмов и часовен,
Небесный колокольный звон.
Там горизонт, стреле подобен,
Лучом вечерним озарён.
Под скрип телеги по просёлку
На облучке возница спит.

Туман крадётся по посёлку,
Как будто молоко, разлит,
Окутав горы и равнины,
Где соловьи ласкают слух,
Где рек бурлящие стремнины –
Здесь Русь святая, русский дух.

Как - будто по живому режут,
Ноябрь, двадцатый, Врангель, Крым
На пирсе крики, в трюмах – скрежет
Из труб над морем чёрный дым.

Простите братья и сестрицы,
Что не могу с собой забрать...
Земли кубанской у станицы
Лишь горсточку я смог набрать.

Лежит у сердца, под черкесской
России малый островок
Пронзает душу болью резкой
Прощальный плачущий гудок.

Прощайте липы и берёзы...
Прости нас матушка – земля...
Страх неизвестности и слёзы,
Где будет Родина моя?

Суэта суэт

Уходят лучшие друзья.
Молчат родные телефоны.
Туда живым попасть нельзя,
Там абонент всегда — вне зоны.

Осталось уповать на Бога,
К святым взывая образам.
Так жизни коротка дорога,
Что всех приводит к небесам.

Молю Всевышнего: «О, Боже!
Продли, на сколько можешь, путь!
Ведь без Тебя никто не сможет
С земли на небеса шагнуть!»

Видно снова весна запоздала –
Небо, словно покрылось свинцом.
Солнце, словно куда-то пропало
И лучом не ласкает лицо.

Жизнь кипит в зеленеющей почке,
Хоть ветвям не хватает тепла.
Первоцвет распустился на кочке –
Средь ненастья земля ожила!

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов,
В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова,
В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва),
Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ №
Подписано в печать
в 10.00, 00.05.2012 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная